

Журнал "Крестьянка"

№10, Октябрь 1984

УДК 64
ББК 37.279
Ж92

Ж92 Журнал "Крестьянка": №10, Октябрь 1984 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 48 с.

ISBN 978-5-458-45336-3

"Крестьянка" - это журнал, известный каждой женщине в Советском Союзе. "Крестьянка" и "Работница" два журнала про женщин и все, что их волнует: красота, здоровье, работа и карьерный рост, культура, психологическая помощь, решение проблем в доме и в семье. Среди авторов журнала в разные годы были А. В. Луначарский, Демьян Бедный, М. Горький, А. С. Серафимович, А. Т. Твардовский и многие другие известные писатели. Журнал был также известен тем, что имел собственную сеть корреспондентов из народа (селькоров). Первый номер вышел в июне 1922 году, тиражом в пять тысяч экземпляров, а в 1973 году - 6 миллионов 300 тысяч. Журнал также продавался в Германии и Испании.

ISBN 978-5-458-45336-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

открытии он лишь нудно моросил, то на закрытии конкурса обернулся настоящим ливнем. Но праздника не испортил. Ну и что же, что промок до нитки — ведь подходишь к первому в своей жизни пьедесталу почета, поднимаешься на первую высоту. Разве что-то может омрачить это счастье?

Четыре золотые медали принесли команде Белоруссии Галя Михайловская, Наташа Немцова, Сережа Сертак, Стасик Ковбювич. Радости товарищей по команде не было предела, и вот уже кто-то кричит: «Качать их!» И чемпионы, хохоча, взлетают в воздух, и брызги дождя летят с дубовых венков...

А вон Ира Величко, зажав в кулаке серебряную медаль, летит по лужам к своему мастеру Анне Михайловне Ивановой, кидается ей на шею...

Не знаю, кому на конкурсе было труднее — участникам или их наставникам. Когда Ира Величко работала на тракторе, Анна Михайловна застыла, сцепив руки и закусив губу, — так и стояла, не спуская глаз со своей воспитанницы. Ира представляла на конкурсе СГПУ № 15 Усть-Лабинского района Краснодарского края. В группе у Анны Михайловны 29 девчат.

— Мне просто повезло, — считает Ира, — девчонки из нашей группы работают не хуже меня...

У Анны Михайловны свое мнение:

— Ира способная девочка, настойчивая, технику любит. На кустовых соревнованиях в Сальске она заняла первое место, а конкуренты тоже были серьезные...

Бактыгуль Кожоголовой из Киргизии строго выговаривает ее наставница Татьяна Федоровна Атяшкина:

— Бактыгуль, ну что ты делаешь, ты же руки дезинфицировала, тебе сейчас работать, зачем корову гладишь? Быстро беги мой руки...

Бактыгуль поднимает наивные карие глаза и смотрит не мигая.

— Делаешь массаж спокойно, не торопись, поняла?

— Да...

— Ну иди. Только коров больше не трогай.

— Да...

Бактыгуль отправляется смотреть, как работают конкурентки.

Татьяна Федоровна поворачивает ко мне улыбаемое лицо.

— Удивительная девочка. Милая, ласковая. Дояркой будет отличной. Входит она в коровник, и коровы к ней морды тянут, только что хвостами не виляют, как собаки. Она их обнимает, что-то рассказывает... Однажды при ней доярка ударила корову, так Бактыгуль заревела. Такой вот характер. Для нашей профессии, думаю, самый подходящий.

Бактыгуль Кожоголова призового места не заняла, но уезжала из Литвы очень довольная. Подружилась с девушками из Эстонии, Молдавии, Узбекистана, обменялись адресами, обещали переписываться.

Татьяна Федоровна, прощаясь, сказала:

— Это ничего, думаю, на следующем конкурсе мы уж чего-нибудь добьемся. Правда, Бактыгуль?

Закончился конкурс. Потом закончились каникулы. И его участники вернулись в свои кабинеты, лаборатории, производственные мастерские, туда, где готовится будущая смена сельского рабочего класса.

И. НОРКИНА

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Кедайнский район.
Литовская ССР.

ЭТОГО БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО

Обзор редакционной почты

Опять с утренней почтой пришли сотни писем. И снова, как вчера, как всегда, многие из них — о мире, о судьбе наших детей, о минувшей войне и о страстном неприятии того, что может случиться в результате империалистических авантур.

С именем нынешнего президента США многие наши читатели связывают угрозу миру, угрозу существованию жизни на земле. Бредовые идеи о мировом господстве, которыми он руководствуется, сродни идеологическим дрожжам, взрастившим человеконенавистнический гитлеровский режим. Но сейчас жонглирование этими «идеями» еще более опасно.

Об этом — письмо инвалида войны из Архангельской области **Павла Андреевича Загоскина**: «Ослепленный ненавистью к социализму маньяк не понимает, что развязать войну сегодня — все равно что поджечь дом ближайшего соседа, живя в деревянной избе... У меня, отца четырех детей, дедушки шестерых внуков и внучек, в голове не укладывается, как можно не думать о будущем подрастающего поколения!»

«Мудрость не скажет того, что противно природе», — говорили древние. Казалось бы, человек, стоящий на вершине власти в крупнейшем государстве, должен обладать если не мудростью, то разумом. Однако нынешний глава Белого дома далек и от этого. Его разглагольствования и планы, «противные природе» — а именно такими являются, по существу, планы развязывания ядерной войны, — стали для него обычным делом. Это не может не удивлять и не тревожить.

«Мне двадцать лет, — пишет ленинградка **Ольга Ермолаева**. — У меня растет сын. Я хочу, чтобы у моего малыша было будущее, светлое и счастливое.

Рейган почти в четыре раза старше меня, значит, и опытнее по-человечески должен быть? Так почему же он не понимает того, что понимаю я? Ведь никакие бункеры не спасут — хоть на километр в землю заройся! Неужели этот пожилой человек и его помощники так наивно рассуждают, укрыться от вызванного ими ядерного смерча? Ведь у них тоже есть дети, внуки. Неужели они могут желать их смерти?! Или я чего-то недопонимаю, или это просто нелюди...»

«Я воспитатель, — пишет не назвавший себя корреспондент из г. Павлово. — Приходишь на работу и радуешься, что над детскими головками светит солнце, радуешься смеху детей... И страшно подумать, что где-то на них нацелены ракеты... Меня часто пугает вопрос, который задают дети: «А война будет?» Говорю «нет». Отвечаю, что страна наша сильная...

Я хочу посоветовать родителям, — продолжает в письме воспитатель, — говорите о войне только тогда, когда дети мирно спят, не отнимайте у них детство».

Сложный это вопрос. Охвать-ахать при детях, конечно же, не стоит. Хотя бы потому, что в ребенке может зародиться чувство безысходности, слепого страха, а это жестоко. Обескураженность перед жизнью — плохой советчик нашим быстрорастущим детям. Но не следует и излишне «пеленать» ребенка в розовые одеяльца беспрепятственности — делая так, мы тоже его невольно обманываем, а значит, отдаляем от себя, а значит, обезоруживаем, лишаем его веры в свои будущие силы. Об этом

говорится в письме **Веры Васильевны Вольской** из Воронежской области: «В эвакуации я работала учительницей в Махоровской средней школе Борисоглебского района, куда врага не допустила наша доблестная Советская Армия. Помню, как поздней осенью убирали последние картофельные поля. Школьники, дети бережно выбирали из борозд всю картошку, не оставляя самой мелкой, — знали, как это важно для приближения Победы... Сейчас по сравнению с тем временем наше материальное благосостояние несказанно выросло. Но при этом мы ни в коем случае не должны забывать, что сегодня, как и прежде, нашим детям должны быть чужды изнеженность и эгоизм».

Каждый из нас согласится, что чувство любви к Родине должно крепнуть в человеческом сердце с детства. А любовь предполагает и соучастие, и ответственность. В редакцию пишут дети. И их часто наивная искренность — тот фон, на котором особенно остро воспринимается чудовищность империалистических планов: «Я официально требую от президента Рейгана прекращения гонки вооружений. От имени учащихся 220-й группы СГПУ № 14 г. Мурманска **Березин Михаил**, «Советский народ делает все, чтобы не было войны на земле!» — пишут брат и сестра **Алмасхан и Гунди**, 12 лет, из г. Очамчыра Абхазской АССР. — Мы — советские люди, и в этом наша великая сила!»

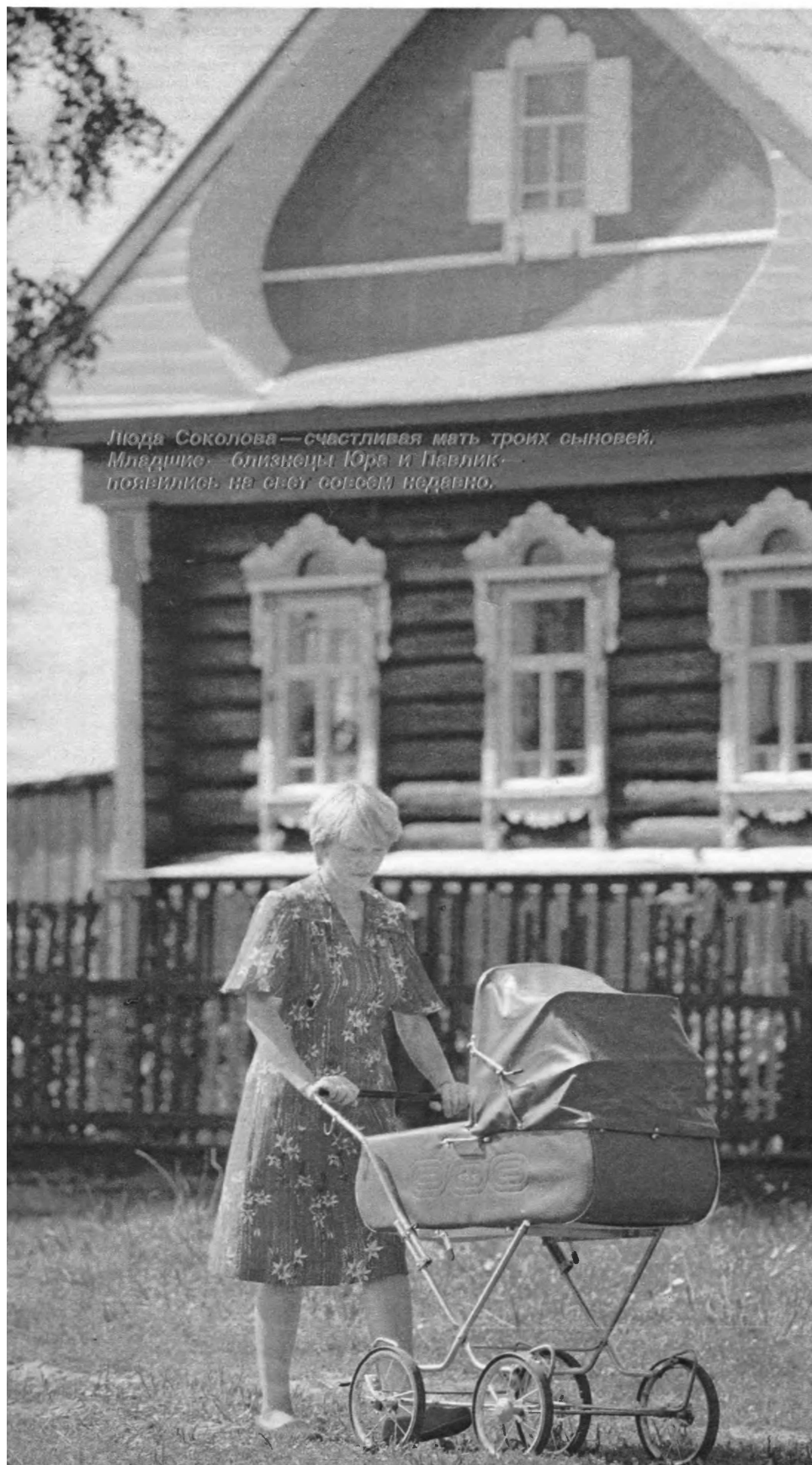
Эту святую веру детей укрепляют дела взрослых. Во многих письмах рассказывается о том, как отвечают наши люди на растущую военную опасность. Труженицы молочнотоварных ферм колхоза «Кантемировец» Кантемировского района Воронежской области, например, перечислили в Советский Фонд мира свои однодневный заработок — всего 1800 рублей. Около тысячи рублей внесла в Фонд мира И. И. Бочкарева, живущая в Курагинском районе Красноярского края. Эта женщина с малых лет батрачила, в 1919 году добровольцем вступила в партизанскую армию, была заместителем председателя сельсовета. Во время Великой Отечественной войны Ираида Ивановна — заместитель председателя женсовета — занималась снаряжением и отправкой посылок с теплыми вещами для фронта. Сама логика всей этой трудной и прекрасной жизни, совпавшей с важнейшими этапами истории Советского государства, привела И. И. Бочкареву в местную комиссию содействия Фонду мира.

Страстный призыв к миру содержится в письме, которое получила от своих избирательниц депутат Верховного Совета СССР, народная артистка СССР **Мария Лукьяновна Биешу**: «Люди! Белые, желтые, красные, черные! Все, кто не потерял голову и совесть! Ядерная война будет означать конец всей жизни на земле. Это война с самой природой, и поэтому ее быть не должно!.. Дело человека — беречь и приумножать все, что оставлено ему в наследие предыдущими поколениями. Все, что делается на земле, должно делаться на благо людей, а не во вред им... Долгой войну ядерную, химическую, бактериологическую, космическую — долгой всякую войну!»

Пересылая это письмо в редакцию, М. Л. Биешу пишет: «Никто на земле не должен быть равнодушным — это хуже преступления».

В. КОЛЧЕВ

ЧЕЛОВЕК РОД

Люда Соколова — счастливая мать троих сыновей. Младшие — близнецы Юра и Павлик — появились на свет совсем недавно.

Любим — центр одного из районов на Ярославщине. Ехали мы туда вместе с Валентином Ивановичем Кузьминым, главным врачом областного родильного дома. Дорога, да к тому же дальняя, всегда располагает к беседе.

— Не так давно, когда шоссе это еще не было заасфальтировано, связь с Любимом, особенно в весеннюю и осеннюю распутицу, осуществлялась в основном по воздуху, — рассказывал Валентин Иванович. — Теперь вертолеты санавиации приходят на подмогу районным медикам лишь в экстренных случаях. В любимской больнице, построенной, кстати, на средства от коммунистических субботников, — отличное

оборудование, а главное — работают здесь высококвалифицированные специалисты. В первую очередь я вас с доктором Шадровым познакомлю.

Фраза эта показалась странной. Ведь с Евгением Васильевичем Шадровым мы были представлены друг другу еще в Ярославле, где он заведует родильным отделением.

Кузьмин, словно прочитав мои мысли, заулыбался:

— Я не оговорился. Именно с доктором Шадровым. Только с сыном Евгения Васильевича.

Василий Евгеньевич вел прием в амбулатории. К нему, районному акушеру-гинекологу, из всех окрестных сел и деревень приезжают за советом и помощью будущие мамы, немного взволнованные, прислушивающиеся к новой жизни в себе. Они теперь под двойным наблюдением: и свой фельдшер следит за течением беременности, приглашая каждые две недели в сельский медпункт, и врачи из районной больницы консультируют. Подопечные В. Е. Шадрова получают справку, согласно которой руководители хозяйств обязаны перевести женщину в связи с ее положением на более легкую работу. Сложная это проблема на селе, особенно в разгар полевых работ. Куда направить ее — доярку, свинарку или полевода — так, чтобы и труд легче был и в зарплате она не потеряла? Решать этот вопрос приходится руководителям хозяйств, а медики и сельский профком в строгом соответствии с законом проследят, чтобы он был решен.

Приближение родов требует контроля

ИЛСЯ

более тщательного. И за несколько дней до предполагаемого срока будущие матери направляются в стационар, где для такого контроля созданы все условия.

— Случается, правда, и непредвиденное, — вспоминает Шадров-младший. — Осень. Хлябь. А тут вдруг позвонили из дальней деревни: женщина рождает. Хорошо, что поблизости от железнодорожной станции. Я — к телефону. Связался с начальником станции. Долго объяснять не пришлось. Ближайший проходящий поезд доставил роженицу, на вокзале ее уже встречала наша «скорая». Едва привезли в роддом, как появился на свет, подал голос будто специально дожидавшийся защиты и опеки врачей герой дня.

...Дежурная акушерка Валентина Столбунова прежде всего заставила переобуться, вручила халат, марлевую маску и белую медицинскую шапочку. Придирчиво оглядела. И только после этого раскрыла передо мной дверь в родильное отделение, жившее своей будничной, спокойной жизнью. Матери придумывали ласковые имена малышам, с трепетом выслушивали наставления педиатров и патронажных сестер. Рассказывали друг другу о своем житье-бытье. Людмила Соколова — зоотехник. Живет в деревне Ермаково. Замуж вышла, будучи студенткой сельхозакадемии, в которой училась по направлению колхоза «Красный Октябрь». Правление выделило молодой семье новый дом с приусадебным участком. Вскоре после защиты диплома у Соколовых родился мальчик. И вот у них вновь пополнение: близнецы — Павлик и Юра.

Пока мамы видятся со своими малютками лишь во время кормления. Улыбки на лицах и чуть ревнивые взгляды — кто из ребятшек активнее. Отныне основное внимание им. И не только в семье, со стороны заботливых родителей. Государство сразу же берет на себя часть расходов в связи с появлением нового гражданина нашей страны. Каждой матери сельсовет выплачивает пятьдесят рублей при рождении первенца, сто — при рождении второго и третьего ребенка. Кроме того, по окончании декретного отпуска и до тех

Две Валентины — Столбунова (слева) и Весельцова — две подруги, две акушерки, выпускницы Ярославского медицинского училища.

пор, пока малышу не исполнится год, она, не работая, будет получать тридцать пять рублей ежемесячно. Павлик и Юра Соколовы еще малы и пока не знают, как много уже людей давно берегут их, помогают им расти и крепнуть. Здесь, в любимской больнице, о малышах заботится медицинский персонал. А потом, через несколько дней, за ними приедет колхозная машина и увезет в родную деревню Ермаково. Тут их встретит

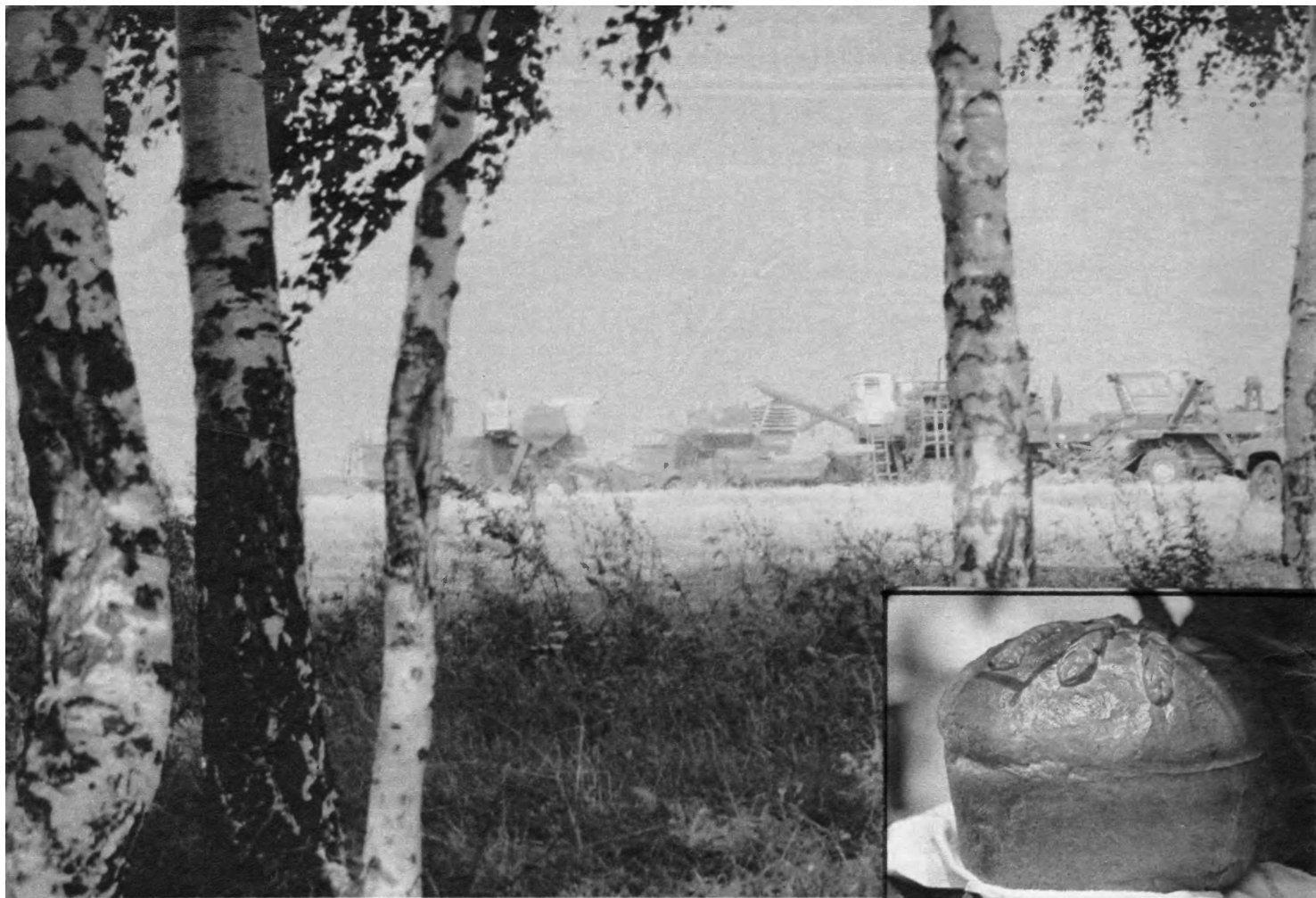
сельский фельдшер Валентина Ивановна Петрова. Встретит так же приветливо, как встречала многих крошечных своих пациентов за девять лет работы. В том числе и Рому Соколова, который сегодня уже ходит в детский сад.

Е. МАРИНИЧЕВА
Фото С. КУЗНЕЦОВА.

Любимский район.
Ярославская область.

В экстренных случаях в борьбу за здоровье людей включается санавиация. Сегодня в дежурной бригаде доктор Е. В. Шадров, пилот 2-го класса В. В. Бобарыкин и бортмеханик В. В. Смирнов.

Сергей МАКАРОВ

РАДИ

«Предметом особой заботы райкома партии является дальнейшее совершенствование организации производства и стимулирования труда в колхозах и совхозах. ...Большое внимание уделяется внедрению хозяйственного расчета и коллективного подряда. ...Это позволило ликвидировать обезличку в использовании земли, способствовало повышению заинтересованности работников в увеличении производства продукции при меньших затратах труда и средств».

Из постановления ЦК КПСС «О работе Глазуновского райкома партии Орловской области по выполнению решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС».

I
Это было весной. Мы встретились в Орле, в обкоме партии. Держалась она строго и неприветно, всем видом давая понять, что временем для бесед не располагает.

— Опять эти журналисты, — сказала она с досадой. — Едут и едут.

Но когда мы сели в машину и выскочили за город, когда навстречу побежали знакомые избы деревень, зеленые перелески, поля, уже укрытые молодым хлебом, когда ровная скорость езды и работа сильного мотора успокоили, что-то в ней переменялось, и стало видно, что человек она в общем-то душевный, разве что излишне замотанный.

— Вы извините за давешнее, — оберну-

лась она с переднего сиденья. — Это так, сорвалось... Но времени действительно мало. А впрочем...

Мне показалось, что она едва заметно улыбнулась.

— А впрочем, не обращайтесь внимания. У нас всегда его нехватка. Такая жизнь, все бегом и бегом.

Тамара Николаевна Коновалова работает секретарем Глазуновского райкома партии. Вызывали ее в обком по неотложному делу: в Глазуновке намечено провести областную семинар секретарей райкомов и председателей райисполкомов. Будут смотреть, как район выполняет Продовольственную программу. Семинар — не пустяк. Готовиться надо всерьез. Потому что и люди приедут серьезные, глазастые, вни-

кать станут, подмечая каждую мелочь. А на все про все отпущен месяц.

...Глазуновка — это районный поселок в полуста километрах от Орла по дороге к Курску. И когда едешь среди распаханых полей — земля удивительно черна и просторна. — даже возникает вопрос, почему столь благодатные с виду места, мало похожие, допустим, на брянские пески или северные кулиги, тоже причислены к Черноземью. И все же...

— Это только видимость одна, что у нас черноземы, — говорила по пути Тамара Николаевна. — А на штык лопатой копни, там чистая глина. Работать с этой землей и работать.

По орловским меркам, район небольшой — одиннадцать колхозов и три совхоза. Хлеб, конопля, гречиха, сахарная свекла... А крупных успехов — и в этом вся соль — тут никогда не знавали, урожаи были до неприличия малы.

— Это ж позор и стыд, — возвращаясь к недавнему, говорила Тамара Николаевна. — Вроде застой тогда был. Понимаете, я о чем? Ведь люди работают. От государства и техника и удобрения поступают. А как жатва, так в бункере пять центнеров на гектар. Непостижимо. Прямо загадка за семью печатями...

Положим, загадок особых не было, как не

ХЛЕБА

Зачастую проблемы хлеборобов приходится Тамаре Николаевне Коноваловой решать прямо в поле.

было и не будет на хлебной ниве чудес: гектар не сам по себе кормит—всему начало человек, его отношение к полю, которое он пашет.

Деревенские проблемы для Тамары Николаевны были не в новинку. За плечами сельская школа, институт, полевая работа... Долгим был путь, и те вопросы, которые донимали сельских механизаторов, председателей, агрономов, мучили и ее, секретаря райкома, они были знакомы ей в тонкостях. И разве дело только в системе оплаты? Все так: рубль, выплаченный за промежуточную операцию—пахота, сев, уход за посевами.—выплаченный независимо от того, будет или нет в поле урожай, расхаживал человека. Все так. Но и, помимо этой системы оплаты, достаточно было всяческих сорняков, заполонивших хлебную ниву. Да что было? Они и есть! И вся острота, удовольствие жить сегодня, может быть, в том и состоят, что идет небывало активная прополка, удаление негодных форм и методов руководства экономикой, в том числе и сельской.

— Не дело, конечно,—говорила Тамара Николаевна.—когда, допустим, председатель колхоза не может по собственному усмотрению установить структуру посевных площадей или размер дойного стада. Он лишен самостоятельности. Он зашорен ин-

струкциями, указаниями сверху. И это «колесо» давит. Так далеко не уехать...

Короче говоря, до недавнего времени Глазуновский район не управлялся с государственным планом, вечно замыкал областную сводку.

А теперь вот семинар. На примере Глазуновки будут учить другие районы, как надо работать. Есть чему поучиться: в короткий срок, используя созданные в соответствии с решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС благоприятные экономические условия, партийная организация района добилась заметных сдвигов в развитии сельского хозяйства. Хотя и проблем осталось много. Это ведь тоже было отмечено в постановлении ЦК КПСС о работе Глазуновского райкома партии.

II

Погода стояла теплая и сухая. Посевная подходила к концу. И каждый день с утра я уезжал первым автобусом в колхоз имени Жданова. Колхоз этот как колхоз, без заслуг век он жил и вниманием не избалован. Часть его деревень тихо достаивает, некоторые уже исчезли с лица земли, названия их, как место рождения, сохраняются лишь в паспортах тех, кто навсегда покинул эти некогда густо заселенные местности. Основная жизнь ныне—в цен-

тральной Васильевке, которая припала огородами к речке Неручь, заросла черемухой и тополями.

Я любил бывать в Васильевке. Можно было, конечно, и в «Родину» поехать и в «40 лет Октября»... А «Мир» и вовсе упирался краем поля в райкомовский порог. Два шага! И хозяйство справное. Но именно это обстоятельство и не пустило в «Мир», а колхоз имени Жданова поднимался почти из «небытия» и был поэтому интересен.

— Насчет «небытия» не знаю,—поправил меня тамошний председатель Иван Михайлович Ильин, человек обстоятельный и в суждениях неспешный.—А вот расформировать колхоз намечали. Это точно. Хотели землю нашу передать в сельхозтехникум, да там не пожелали эдакую обузу брать.

И еще неизвестно, как сложилась бы судьба колхоза и самого Ивана Михайловича, но приход его совпал с теми переменами, которые обозначились в целом по району. Он начал с дорог. Был до Ивана Михайловича побитый проселок, только трактором и одолеть, а чтобы вывозить с фермы молоко, то и двух тягачей недостаточно. Дороги отсыпали. Где асфальт положили, где бетонные плиты, эдакие узкие пластины с железными петлями. Неказисто

кажется. Скок! Скок!—скачет машина, словно по клавишам, подбираясь к молочной ферме, того и смотри язык ненароком прикусишь на прискоках.

— Ничего, ничего.— улыбаются Иван Михайлович.— Скорость невелика. Зато в любую погоду проехать можно. Надежность появилась.

Замечаешь строительный замах. Молодежная улица кирпичных домиков, аккуратных, как скворечни. Весной вторую улицу заселили. Стоит двухэтажный куб правления. Гостиница.

И дорогу и размах с жильем председатель ставит в заслугу правлению. И справедливо. Тамара Николаевна его в этом поддерживает. Ведь под лежащий камень, известно, вода не течет. Всегда нужны энергия и смекалка. Только не лишне уточнить, что на асфальте ныне живут и «Родина» и «40 лет Октября»... Все колхозы и совхозы района—без исключения каждый—соединились с райцентром! Как говорит Иван Михайлович, «надежность появилась». А это вовсе не то, чтобы одному, пусть и очень пробивному, удачливому председателю козыри выдавать.

Глазуновский райком партии решительно отказался создавать режим особого благоприятствования одному хозяйству, в то время как другие тащатся в хвосте. Оздоровление экономики происходит не за счет одиночек, а за счет согласованной работы всех звеньев агропромышленного комплекса.

III

Практика большой страны имела немалый опыт по разработке различных форм организации труда в сельском хозяйстве. Но лучше, чем хозрасчетные звенья на коллективном подряде, придумано не было.

— Первый год получилось у нас так-сяк,—рассказывал Иван Михайлович.— Даже мало что верил, что созданные звенья могут что-либо изменить. Создали, а толком и не знаем, сколько человек должно в звено входить, сколько земли... Сначала для каждой культуры отдельное звеношко создали—свекловичное, конопельное, зерновое. Наплодили мелкоты, а видим—нет, так не пойдет, звено должно иметь полный севооборот...

Он рассказывает, а сам поглядывает за окно. Там, через дорогу, чернеет поле, по полю трактор севялку таскает, и ветер кося рвет, сносит на сторону шлейф пыли. Иван Михайлович смотрит и морщится, не нравится ему ни этот ветер, иссушающий землю, ни пыль, а более, что трактор постоянно тормозит, и тракторист в белой пляжной кепчонке с целлулоидным козырьком, прыгая из кабины, целонок бегают от трактора к севялке, побрякает там, постучит и опять к кабине бежит. Что ни минута, то остановка.

— Я сейчас,—говорит Иван Михайлович и решительно уходит. Он прямоком, по пашне, черная ботинками сухие крошки земли, шагает к трактору. Затем оба, председатель и тракторист, ходят вокруг агрегата, машут руками, сидят на корточках, разгребают землю, проверяя, как часто ложатся семена,—а ложатся они почему-то редко. Наконец Иван Михайлович столь же решительно возвращается в кабинет и повисает на телефоне.

— Алё! Алё!—дышит он в трубку.—Сельхозтехника? Есть там кто из начальства? Что? Конец недели? Тарубарова мне. Пожалуйста, поищите. Я подожду.

В иной раз он и звонить бы не стал, да больно уж нескладный завязывался узел. Дело в том, что всю колхозную пашню делили между собой три звена. Одно, свекловичное, держалось особняком. И не о нем речь. А два других имели полный севооборот. В первом подобралась молодежь, во втором—люди постарше. И отношения между звеньями складывались непростые. И когда делили землю, Иван Михайлович, многое предвидя, бросил в свою шляпу две скрученные бумажки и предложил, чтобы без обид и споров звеньевые тянули жребий. Так поделили они землю.

Дальше каждое звено получило трактора, прочую технику, хозрасчетное задание, денежный фонд. Работайте. Распоряжайтесь. Вы хозяева и земле, и технике, и горючему, и деньгам, и самим себе. Помесячно будете получать аванс. А в конце года—доплата в зависимости от урожая. Благодаря тем звеньям колхоз впервые обошелся без привлечения механизаторов из Орла. И вспахали. И посеяли. И урожай взяли под двадцать центнеров с гектара и зябь подняли, чего в колхозе никогда не бывало.

— Похожее переживал и весь район,—говорила мне Тамара Николаевна.—Были голоса, чтобы звенья на подряде создавать выборочно, в отдельных хозяйствах. Мы на это не пошли. Ну, допустим, создали бы. Они добыются пусть даже небывалых успехов, а люди станут показывать пальцами, дескать, все это показуха, опять, дескать, для одних создали тепличные условия, и они в рост пошли, другие—в забросе. Хуже нет, когда недоверие плодится. И после обстоятельного обсуждения в хозяйствах, реальной оценки возможностей решили переходить на подряд всем районом.

В каждом хозяйстве без исключения всю землю отдали в распоряжение звеньев. Были промахи, ошибки. Были сомнения. Но люди учились. И если в прошлые годы то там трактор стоит на обочине, то тут простаивает, то ныне этого не увидишь. Культура земледелия поднялась. Бывало, около основной дороги все поле колями изрежут—не жалко! Теперь ни-ни. Свое поле стало. Свой хлеб. Люди поверили и в себя и в бригадный подряд. И это удивительное состояние, когда живешь и видишь, как меняются люди, как отношение к земле меняется.

Покуда я жил у Ивана Михайловича, было немало случаев, чтобы убедиться, насколько Тамара Николаевна права. Но вернемся к тем двум звеньям, что обеспечили успех колхозу имени Жданова. Хотя результат у обоих оказался высокий, в молодежном звене все же ладу больше было. В поле они раньше выехали. С поля—тоже. «Старики» иногда даже звали молодых на помощь. Но это ж поклониться надо! А гордость—штука щепетильная. Вторых, приглашая человека со стороны, звено платит ему из собственного фонда зарплаты.

А деньги тоже жаль! Колхоз приобрел две новые кукурузные севялки. Молодые без проблем отселились. У «стариков» же не заладилось.

IV

Как раз в те дни слышал я разговор Ивана Михайловича с заезжим представителем из района.

— Что голову ломать?—сказал представитель.—У тебя же вторая севялка есть в молодежном звене. Возьми ее и сей. Распорядись, дай команду.

— А я имуществом звена не распоряжаюсь.

— Так ты же председатель! Ты командир! Начальник!

Иван Михайлович объяснял терпеливо, что, переходя на бригадный подряд, они объявили звенья хозяевами земли не для того, чтобы при первом удобном случае их обмануть. Обмани—и веры не будет. Это раньше мы командовали, дергали людей и отучили их думать. «Начальству с его колокольни видней». Не командовать надо человеком, который хлеб растит, считаться надо с ним, с его характером, привычками, с его знанием. Если уж хлеб всему голова, то, значит, голова и тот, кто его растит. Не иначе.

— Нет, я приказывать и самовольничать не буду. Не могу.

— Вот дожили,—удивился представитель.—В одном колхозе еще два колхоза развели.

Когда представитель уехал, я спросил Ивана Михайловича, неужели и впрямь нет возможности воспользоваться второй севялкой, и он ответил, что, разумеется, возможность такая есть. «Только не силой приказа». Он с молодыми, кстати, разговор уже имел, а те заявили, что севялку дадут, не пожалеют, но пусть сам звеньевой придет и попросит, чтобы не по верхам, не через председателя решалось, а на уровне звеньевых. Иван Михайлович объяснил ситуацию звеньевому «стариков» Николаю Заболоцкому. Тот, однако, надеется, что сам отладит высвешивающий аппарат.

Иван Михайлович, уважая позицию обеих сторон, решил все же ускорить ход событий и позвонить в район.

— Алё! Николай Павлович? Привет! Послушай, что скажу... Приезжай, голубчик, взгляни своим глазом. Да, знаю, что завтра выходной, знаю. Но это ж раньше мы вроде чужими были. Теперь мы в РАПО. Одинаково отвечаем за хлеб...

К вечеру явился Тарубаров. Он намного моложе Ивана Михайловича, что не мешает им быть на дружеской ноге. Плотный, в коричневом, как каштан, костюме, он держит себя уверенно, по-свойски.

— Жду тебя, Николай Павлович. Давай прямо в поле, севялка стоит.

Теперь они втроем разгребают землю, машут руками, гайки откручивают. Тарубаров что-то записывает и обещает, что утром отыщет токаря—выходной!—и лично доставит запчасти в поле. «Таких на складе нет, но выточить можно». Потом с Иваном Михайловичем они обсуждают в кабинете районные новости.

Тарубаров до недавнего известен был в Глазуновке как управляющий районной Сельхозтехникой. А как создали РАПО, возглавил единую инженерную службу района. Ему даже подчинили инженера сельхозуправления. А что? Прежде колхозы и Сельхозтехника, обслуживающая их организация, никак не завязаны были на урожай. Колхозы убыточны—Сельхозтехника при любых погодных условиях с прибылью. Два разных ведомства. Теперь разработали структуру такую: районный организм—единое целое.

— Мы строим в колхозе дом,—объясняет по-своему Иван Михайлович.—В районе пять строительных организаций. Одна стены ставит, другая отделкой занята, третья—сантехником и т. п. И каждая, делая свое дело, кромсает, долбит то, что сделано другими. Каждая по-своему права, а спросить не с кого. Где смысл? Почему, спрашивается, не иметь одного ответчика, единую строительную организацию? Иначе ведь распыл, разброд.

Так, помимо инженерной службы, кото-

рую возглавил Тарубаров, в районе создана единая служба агрономическая, зооветеринарная, экономическая...

— Кстати. — сказал Тарубаров. — ты к семинару готовишься? Мехдвор тебе надо в порядок привести. И навес для хранения техники перекрыть.

— Надо, надо. — соглашается Иван Михайлович. — Он и был у меня покрыт, да тут вихрь прошел, ураган, весь шифер сбросило.

— Только не тяни. — советует Тарубаров. — Событие серьезное. Этот семинар будет смотром всех районных начинаний.

И, посвящая меня в суть дела, Тарубаров стал говорить, что как только район начал внедрять внутрихозяйственный расчет и бригадный подряд и менять в рамках РАПО структуру управления, к ним, в Глазуновку, едут с тех пор и едут со всех концов делегации.

— И все, кто приезжает, настроены так, словно хотят увидеть тут небоскребы в поле, чудеса необыкновенные. И обижаются даже, что ничего такого не показываем. А как показать, что меняется психология пахаря, что пробуждается в нем хозяин? Район вышел на первое место в области по продаже сахарной свеклы и на второе по хлебу... Раньше в хвосте тянулись... И люди те же и земля, а результаты несравнимы. Чтобы понять, что и откуда, надо жить здесь, знать, от чего мы ушли, только так осознаешь перемены и оценишь их.

Тарубаров говорит о том, что им удалось и что не очень, о надеждах, о том, что мешает развивать эксперимент — «засилье старых привычек мучает», и о первом секретаре Тамаре Николаевне, которая раскрутила все районное

колесо и не дает сбавлять оборотов.

— Она и потребовать может. И понять. И взять в случае чего ответственность на себя.

Велика в людях энергия и желание новизны, чтобы порядка на земле прибавилось, чтобы ушла, стигнула расхлябанность, от нее деревня устала. Люди хотят живой мысли и дела, чтобы появился конкретный смысл, не болтовня, от которой звенит в ушах. Они готовы на любой риск, лишь бы не сидеть сложа руки, лишь бы польза была. Ведь ни машин, ни тракторов в районе не добавилось, ни земли. Активности добавилось. И в этом прямая заслуга райкома, который создает необходимые условия для проявления инициативы и самостоятельности людей.

V

Хлеб замер в полях от зноя. В районе ждали дождя. Ветер гонял по дорогам пыль. Иногда наплывала пустая, дымчатая пелена или случайное облако роняло редкие, скудные капли, оставляя в пыли крапчатый, дразнящий след, — все было обманно, озимь и ярь ждали настоящего обложного дождя, который единственный мог напоить их влагой.

В те дни мы редко виделись с Тамарой Николаевной. Забот и дел невпроворот, особенно теперь — затянулось отставание животноводства, что тем более заметно на фоне первых успехов Глазуновки.

Едва солнце всходило, Тамара Николаевна была уже за рулем и уезжала в поле. Потом из Москвы, из министерства люди нагрянули. Опять в Орел вызывали. Но каждое утро она все же успевала побывать

в поле. Зато и не было человека, который бы лучше знал положение.

А я пропадал у Ивана Михайловича. Кукурузная сеялка так и не пошла. Оказалась с заводским дефектом. Звеньевой скрепя сердце поклонился-таки молодым, те сеялку дали, однако с условием, что работать на ней будет человек из молодежного звена. Так, сочли, техника будет сохранней.

Однажды — уже кончали сев — к полю подкатила Тамара Николаевна, и мы возвращались в Глазуновку с ней вместе. В тот день по углам, за лесом, погромыхивало, темно, несло свежестью и к вечеру наволокло туч.

— Неужели польет? — поглядывала в ту сторону Тамара Николаевна. — Давайте, милые, смелее. Давно вас ждем.

И когда проехали деревню Кривые Вершки, по асфальту смачно защелкали редкие, крупные капли, в воздухе словно раздался шепот и резко запахло пылью. Затем дождь припустил, дорога потемнела, дышать стало легко, и колеса шипели по мокрому асфальту, как в сковороде масло. Тамара Николаевна попросила остановить машину и, открыв дверцу, шагнула под водяные струи. Ее окатило, как из ведра. Прическа, белая кофта и черная, длинная юбка — все враз промокло, облепило ее, но, не обращая внимания, она, как девочка, сняв туфли и держа их за ремешки, на отлете, побежала вперед по лужам... Знала бы она, что скоро эти дожди будут лить и лить...

А впереди была осень, желтая осень с хлебом.

Орловская область.

Иван Михайлович Ильин: так хочется, чтобы этот колос был полновесным. Ведь столько труда и забот вложили в него люди!

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

ДОВОДЫ

КОММУНИСТ И ЕГО ДЕЛО

Людмила РАКИТОВА,
пропагандист

Шестой год мое партийное поручение — пропагандист. О многом мы говорили со слушателями, моими земляками и товарищами: об экономике, о советском образе жизни, о развитии мировой социалистической системы. Что-то я знала лучше, что-то хуже. Одно удавалось, другое — не очень. Моя задача — дать людям знания, помочь преобразовать их в убеждения, побудить слушателей к действию, найти для этого доводы, безусловность которых я могла бы подтвердить не только положениями теории и данными статистики, но и жизненным опытом моих слушателей. Ведь, понимая и принимая новое, человек обязательно исходит из того, что уже знает, в чем уже убежден.

Вот тема занятия: особенности экономического развития стран СЭВ. Я, конечно, еду на семинар в район, читаю, делаю газетные вырезки. А один из слушателей, наш учетчик Геннадий Георгиевич Богданов, спасибо ему, подал мысль: а почему бы не позвать на занятия тех, кто побывал в этих странах? Поездки были хоть и туристические, но ведь опытный крестьянский глаз и при беглом знакомстве многое увидит.

Пришли наши специалисты — те, кто недавно вернулся из Венгрии, Румынии, ГДР. Рассказывают.

Подробность за подробностью — увиденные, услышанные, вычитанные — и люди сами пришли к мысли об экономическом своеобразии каждой страны и о необходимости, целесообразности экономической интеграции. В том числе и интеграции опыта. Таков принцип действия СЭВ, чтобы помогать друг другу, делиться лучшим, делать свою долю общей работы. Общеизвестное обрело на том занятии краски жизни.

Делать свою долю общей работы хорошо — вот это, думала я, нужно нам всем по-настоящему усвоить. Я раз слышала, как Юрий Иванович Измайлов (заведующий машинно-тракторной мастерской — МТМ) отчитывал одного из трактористов:

— Вот ты бросил деталь и пошел. Что, к тебе няньку надо приставить? Не надоело тебе так неаккуратно работать?

К этой мысли, что во многих трудностях, которые испытывает хозяйство, виноваты мы сами, приводили и беседы на другие темы, на других занятиях.

...Ездили от нас люди в Калмыкию. Вернулись и говорят: ох, как там хорошо, какая пшеница! В совхозе «Степной» рабочих снабжают кормами для коровы, а у нас...

— Климат там лучше? — спрашиваю.

— Да нет, сушь...

Так в чем же, говоря, дело? Видно, просто добросовестнее работают люди. К кому претензии? Тем более что в нашей школе занимаются и руководители многих служб, организаторы производства. И поставили мы вопрос иначе: условия у нас и в «Степном» похожи, а наши результаты хуже. В чем просчет каждого из нас?

Вспомнили мы на том занятии и недавнюю ситуацию на наших молочнотоварных фермах. Я тогда была главным экономистом и потому оказалась полностью в курсе дела.

...Началось с парадокса: две фермы работают в одинаковых условиях, а себестоимость молока разная. Стали разбираться. Для начала хронометрировали все операции, позвали на помощь специалистов. Уточняли по справочникам расценки. И оказалось, во-первых, что получали наши животноводы намного больше, чем зарабатывали.

Потом уточнили лимиты на рабочую одежду, инвентарь, ремонт, транспорт, электроэнергию. И обнаружили множество «щелей», куда утекали рубли и копейки. Так называемый «малоценный инвентарь» — марлю, ведра — люди брали вообще без счета. А халаты? Придет иная доярка, неделю поработает, увольняется — так никто о том халате и не вспоминает. Не вернула, не выплатила стоимость — ну и ладно. Зимой, когда у трактористов меньше работы, все у ферм толкуются, которые, между прочим, навозом заросли. И вроде некому вывезти, хотя трактора друг за дружкой ездят по всяким ерундовым делам.

В расчетах зарплаты нашли просто арифметическую ошибку, которая годами повышала надбавки на 25 процентов! Надои были сравнительно небольшие, но получали у нас доярки по 400 рублей.

Какой шум стоял, когда собрали животноводов и показали им результаты наших подсчетов:

— Мы работаем по десять часов, мы тут горбатимся, а вы...

— Да что же, товарищи дорогие! Ведь треть вашей зарплаты — не-за-ра-бо-та-на! Расчеты-то — вот они!

Пошумели-погалдели, но никто с фермы не ушел.

Кстати, после этого навоз вывезли в поле чуть ли не в считанные дни, а то годами лежал!

Сделали следующий шаг: начали улучшать стадо. Кормодобычу выделили в отдельную отрасль. Одну бригаду специализировали на подготовке первотелок. И сейчас еще наше стадо пестрит, но отобранные первотелки в первый же месяц после отела дали по 231 килограмму молока. Сейчас переходим на цеховую структуру производства

молока. В общем, разговор это долгий, скажу главное: в прошлом году себестоимость литра молока снизилась на 8,8 копейки. У хозяйства был долг перед государством — так шестую его часть в один год выплатили.

И при этом не получали ни новых помещений, ни дотаций, ни элитных животных. Просто в том, что есть, навели порядок.

Мнение слушателя Ю. И. ИЗМАЙЛОВА

— Год миновал, столько всяких событий, а эти занятия я помню. Каждый хотел выступить, свое рассказать. И потом еще спорили долго, уже после занятий. Людмила Петровна всегда интересно ведет семинар...

Я люблю, когда темы занятий связаны с экономикой. Тут у меня получается убедительнее, сама чувствую. Так, чтобы в любой теме быть на высоте, меня не хватает. Хозяйство, работа, сыновья, муж, а надо еще все время читать. Беру книги, журналы, где могу, стараюсь не пропускать семинаров. И все-таки то и дело вижу, что чего-то не знаю.

На одном из занятий меня поставил в тупик Валерий Николаевич Зоткин, инженер по внедрению новой техники, наш главный рационализатор и мыслитель. Его интересовали развивающиеся страны: политика, экономика, взаимоотношения. Общими словами ответить было нельзя, Валерий их не хуже меня знает.

— Давай, — говорю, — повремени. Постараюсь ответить в следующий раз.

Записала его вопросы, передала их заранее, как у нас принято, в кабинет политического просвещения райкома партии. И тут на семинар приехал, на мое счастье, лектор из Волгограда, он мне помог.

Но вообще я думаю, что пропагандисту нельзя учиться «от сих до сих», по графику, по расписанию, только там, где «положено». Встреча с каждым умным человеком — тот же семинар. Мне очень много в этом смысле дал Александр Николаевич Виноградов, руководитель первого в колхозе подрядного звена.

Помню, был пленум райкома (а Александр Николаевич у нас член райкома партии). Обсуждали как раз проблемы подрыда, пригласили главных специалистов хозяйств. Выступают люди один за другим, все, конечно, «за». Но как колхозников убедить быть тоже «за» — никто конкретно не предлагает.

Вышел на трибуну наш Виноградов. Начал с того, что лично он в первый год на подрыде много потерял, «сидел на авансе». Но готов был и еще год просидеть, хотя «деньги мне», — сказал Александр Николаевич, — сами понимаете, совсем не мешают».

— Нет у нас другого пути, — говорил он, — надо это каждому понять. Почему лично я сразу был за подрыд? А потому, что мог оставить, будучи уже хозяином поля, чистые пары, треть всех площадей. Мне сказали: «Твое дело, веришь в чистые пары — заводи, но плановую урожайность тогда придется твоему звену повысить на треть».

Мы — четверо — взяли 3000 гектаров (а раньше обрабатывали 300!). И справились. Знаем теперь, что нам делать завтра, через неделю, через месяц. Если пошлют на другие работы, каждый в голове держит: а как там «свое» поле? И весь хозрасчет не в конторе, а вот здесь, в моей папке...

Первый секретарь райкома потом выступал. «У Виноградова, — говорит, — что ни слово, то дело. Чувствуется крестьянская мысль. А у некоторых — набор слов...»

В прошлом году урожай в звене Виноградова на одном из полей поднялся до 40 центнеров с гектара. Даже нынче, в эту сушь, гарантировало звено неплохой урожай. Хотя старики уверяли, что уродит только рожь, а пшеница вся сгорит.

Виноградов все повторяет:

— Благодаря подрыду будет у нас больше хлеба.

Вслед за ним еще два звена перешли на эту систему, одно — комсомольско-молодежное. И что интересно: выросли ребята за год не только профессионально. Недавно троих из них, в том числе звеньевое Николая Овечкина, приняли в партию.

Александр Николаевич тогда сказал:

— У нас звенья соревнуются, так я готов отдать этим ребятам первое место за одно их старание и веру в подрыд. Они уступают нам в опыте, но в добросовестности — ни на грамм, мы соседи на поле, все это видим. Такая молодежь в партии нужна.

Я думаю, что Александр Николаевич — самый настоящий пропагандист, хотя им и не значится. И «школу», которую он ведет изо дня в день, я бы назвала «Новый тип

экономического мышления как составная часть советского образа жизни».

Мнение слушателя В. Н. ЗОТКИНА

— Ходить на занятия «для галочки» мне, извините, представляется лишним. Я тоже газеты читаю и по любому поводу разговоры вести не буду. Но Людмила Петровна умеет обострить вопрос, раззадорить людей, показать в любом вопросе разные возможности решения. Она бежит от оглаженности, от неряшливости мысли, от формализма. Занятия в школе, которую ведет Ракитова, помогают каждому из нас действовать по убеждению, по своему разуму.

Мой муж — шофер. В армии, говорит он, строй на проверке равняется на самого высокого. Так, наверное, и вообще в жизни. Это закон прогресса. Так равнялись наши хлеборобы на Виноградова. Что интересно: он, Александр Николаевич, потребовал, чтобы равнялись и соседи. Причем не из самолюбия требовал, а из чувства справедливости.

Я уже говорила, что нашему колхозу, когда давали «добро» на чистые пары, увеличили плановую урожайность с гектара. У соседей она осталась меньшей. И вот какая получилась ситуация: хлеба мы в минувшем году взяли много, а план при этом едва перевыполнили. У соседей же урожай ниже, а ходят в передовиках. Александр Николаевич и возмущился:

— Это как так? Земля у них не хуже, почему к ним отношение, как к ослабленным детям? Мы понимаем, что нам не снизят плановую урожайность, это и правильно. Но пусть же им тоже ее повысят! Должен быть смысл и логика!

И добился своего.

У меня тоже есть свои «высокие» точки в жизни, есть на кого равняться. Например, моя свекровь, Александра Николаевна. Она участница войны, до Польши дошла. Она хлеб пекла в армии. Ее даже медалью наградили «За оборону Сталинграда». Как же ей лихо досталось! Одна подымала двоих детей. Телятницей на ферме работала в самые трудные послевоенные годы. Как подумает: ну разве идут в сравнение наши нынешние трудности? А мы порой ноим, ноим. А свекровь моя такой ясной и веселой души человек. Мне бы ее чувство юмора!

А еще была у нас Зоя Дмитриевна, агроном. Я у нее начинала работать. С пятого класса — на току, потом мы с бабушкой моей бахчи брали, пололи, тоже вроде как на подрыде. А потом бригадир позвал меня работать на лето весовщиком.

— Ой, — говорю, — ну как я пойду!

— Ничего, — отвечает, — ты смысленная.

Так и сказала — «смысленная».

Я и правда дело быстро поняла, даже понравилось. С 6 утра до 2 ночи — сейчас в таком ритме не работает никто, да и не надо: организация труда-то совершенствуется.

А меня захватил именно ритм — на пределе! Нравилось быть частицей этого большого организма.

...Жара, пропыленные лица. Зоя Дмитриевна по полю широко шагает, колны трясет — хорошо ли вымолочены. Эта картина запечатлелась в памяти. Хорошо начинать с азов. Вот тогда я и стала сельским человеком не только по рождению, но и по убеждению.

Мне в институте предлагали пойти на комсомольскую работу. Но это значило остаться в Волгограде. А у нас в комнате, в общежитии, такой народ подобрался — патриоты села.

Всегда мне хотелось быть такой, как Алексей Константинович Харитонов, наш нынешний руководитель кормодобывающей бригады. Он у нас тридцать лет с лишним был главным агрономом. И всю жизнь — пропагандистом.

Вот мы говорим: берите пример с такого-то, равняйтесь на такого-то. А люди сами себе выбирают, на кого равняться...

Мнение слушателя Л. И. ПЕТРОВОЙ

— Людмила Петровна меня словно бы расшевелила. Ей на занятиях всегда вопросы задают. Она так доходчиво все объясняет, убедительно.

Честно скажу: у нас такого и председателя профкома еще не было. Я ей просто как человеку очень верю — вижу ведь ее каждый день, работаю дверь в дверь. Я, когда решила вступить в партию, попросила рекомендацию у своего пропагандиста.

Колхоз «Путь хлебороба»,
Иловлинский район,
Волгоградская область.

Фото Н. АНТИМОНОВА.

ЖЕНЩИНЫ
НА ВОЙНЕ

ФОТОАЛЬБОМ
«КРЕСТЬЯНКИ»

ТРИ СЕСТРЫ

...Сорок лет назад, 13 октября 1944 года, 23-й гвардейский полк 8-й гвардейской стрелковой Панфиловской дивизии 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта подошел к городу Риге.

Ева, Мария и Лиза прошли всю войну. Три повозки, запряженные разномастными лошадками, три с лишним года медленно двигались с востока на запад. Завязали в болотах и пережидали обстрелы в лесу, останавливались поблизости от передовой и двигались дальше. Три повозки: на одной палатка и медикаменты, две другие под легкими ранеными — санроты.

Ева Колпакова — 21 год, родом из города Бузулук Оренбургской области, досрочный выпуск Военно-медицинской академии Красной Армии 1941 года, комсомолка, не замужем, врач полка.

Мария Поликут — 22 года, москвичка, выпускница 2-го Московского медицинского института 1941 года, замужем, дочь Катя трех лет, муж воюет на Центральном фронте, начальник санроты полка.

Лиза Алиманова — 36 лет, из Казахстана, образование среднее специальное, разведана, дочь тринадцати лет осталась с бабушкой в Алма-Ате, фельдшер. Член партии.

...В Риге цвели жасмин и чайные розы...

Ева Ивановна встряхнула письмо из почтового ящика.

«...А особенно рад за то, что дети ваши, как вы пишете, Ева Ивановна, все встали на ноги, как говорится, и успевают в жизни. Лично мне в декабре 26-го числа исполнится 67 годиков. Седой, лысый, лицо как гармошка, глаза слезятся, а душа, как и прежде, веселая».

Я очень часто вспоминаю войну. И мне иногда кажется, что все хорошее и трудное в нашей фронтовой жизни — это сон, кошмарный и в то же время прекрасный. Иногда даже не верится, что остались мы живы. Вася Зыков, баянист».

— Ну какой же он Вася теперь? — легко вздыхает Ева Ивановна. — Василий Артемьевич. Вместе воевали...

600 курсантов-выпускников Военно-медицинской академии явились по сигналу ночной тревоги (решили, что учебной) и гадали, почему линейка не начинается и начальство медлит. А это война началась. С войны вернулись 124. Все больше девушки из медсанбатов и госпиталей. «Я что думаю? Если б мы тогда знали, что вернется только каждый шестой, ничто б в нас не изменилось».

Через полмесяца их отправили на фронт. Не доезжая станции Бологое — бомбежка, первые убитые. Ужас, липкий, холодный, «как лягушка на сердце вскочила».

Она не знала, что мама сбережет все ее письма домой. Вот первое, с дороги:

«Здравствуйте, мои дорогие! Сколько еще проедем, неизвестно. Ехать очень хорошо. Кормят нас хорошо. Чувствую себя хорошо. Ева».

— Первое время мы плакали. Сделаем все, что полагается, и плачем. Нельзя привыкнуть.

Был обстрелян командный пункт, и к ним привезли командира полка, комиссара и

начальника штаба. У командира было тяжелейшее ранение грудной клетки. «Милая, — хрипел он, — сделай все, чтоб я умер». На память завещал докторше свой пистолет ТТ. Запомнилась фамилия — Луговкин.

— А у комиссара, у него, знаете, вот какое ранение оказалось: осколок вошел в поясницу с правой стороны, а вышел в левой ягодице. Его я уже знала: Ломов Георгий Иванович, Жора. Он потом стал моим мужем. Даже в медсанбат не поехал, так и остался в санроте. Все, говорит, сделаешь, чтобы я выжил.

Я его спрашиваю: «Ну за что ты меня любишь, я же некрасивая, у меня нос длинный». Он смеется: «А у меня короткий». Он был последним командиром нашей Панфиловской дивизии, с ним и Латвию освобождали.

Там, в санроте, они и встретились — Ева, Мария и Лиза. Шла зима 1942 года.

Вспоминает Мария Игнатьевна Поликут:

— Труден и страшен был этот год, второй от начала войны. День-ночь-день-ночь идут раненные, несут раненых, на волокушах тянут раненых. Вернее, не было дня и не было ночи. Время измерялось запасом сил: пока стоишь на ногах, режешь. Перевязочного материала нет — кончился, воды нет — топили снег и обмывали раненых.

Если б не Лиза... Она была замечательным практиком. Тихая, неразговорчивая, но мы окольно узнали, что была она гордостью своей больницы, перед самой войной лечила народного поэта Джамбула, его все знали: в школе изучали.

Так вот, Лиза заметит у кого неуверенность в руках, ответит в сторону и быстрым шепотом: «Девочки, я делаю так, так, так...» Ну, а про себя ничего не рассказывала, даже имени дочки мы не знали. Выдерживать и не плакать — этому тоже у нее учились.

Раненные, не делая различий, всех троих называли «сестрички». А они и считали себя сестрами, а Лизу — еще и мамой.

Учились у Лизы, учились у войны.

...Подошли к деревушке. Неделю назад здесь пробивались наши войска. С берега реки увидели: на стволах пушек качаются повешенные. Изуродованные тела женщин: медсестер, врачей. Расстрелянные и издевательски обезображенные трупы мужчин. Педантичный садизм. С таким же садизмом фашистский самолет сорок минут преследовал Машу Поликут, пока она не прыгнула в болото и не спряталась внизу под гатями.

Машин отец воевал в 1914 году. Мама была медсестра в госпитале, там и познакомились. Дочери рассказывали о первой мировой, о том, какая страшная была та война. Разве знали они, какой будет эта... Из разведки не вернулся комсорг полка Тэдилов (жалко, имя не запомнилось). Нашли его в ледяном панцире, на груди звезда, на плечах погоны вырезаны. «Сестренки» отогревали труп в талом снеге, чтобы одеть и похоронить... Это фашисты называли тотальной войной с советским народом.

Ева Колпакова — родителям. 1942 г.

«Здравствуйте, дорогие мои. Мама, вы

пишете, что работаете в школе, а папа целыми днями и ночами работает. Я вам буду высылать по 500 рублей, кроме аттестата, только не работайте так много, больше отдыхайте.

А у меня сегодня праздник ягод — 4 котелка принесли в подарок. Теперь я уже узнала, как живут в деревнях. Какой-либо страх или веселую новость здесь выражают словами «ах, лихонька». Все хозяйева, у которых мы живем в деревне, считают нас за родных. Ева».

«Праздник ягод», изучение деревенского быта... Что? У нее была другая война?

Ева Колпакова, студентка: тогда они пели: «Если завтра война, если завтра в поход...»

Мария Поликут. 1942 год.

А снимка Лизы Алимановой у подруг не сохранилось. Вернее, есть, но едва угадываемый: она стоит во втором ряду, под деревом, и солнечные блики как бы растворяли ее лицо.

